

«ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ...»

Антон Моисеев

От философии героического техницизма
к практике аморального военного насилия

...Не имеется никаких общепризнанных международных законов относительно правил ведения воздушной войны.

(Из речи премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена в Палате общин 21 июня 1938 г.)¹

Жалобно воеет над трупом хозяина неказистая деревенская собачонка, жмутся к опушке осеннего леса испуганные коровы, а их пастух — «нет, не солдат, убитый под Дубровкой, на окаянном Невском пятачке, а мальчик по-мальчишески неловкий» будто спит подобно герою процитированного стихотворения Михаила Дудина» Вдогонку услы-

вающей по Неве льдине», неудобно поджав ноги в лаптях, и ничто, даже плач верного четвероногого друга, не способно пробудить его от этого вечного сна.

Фашист пролетел! Говорят, что когда в 1943 году эта самая пронзительная антивоенная картина мастера русского пейзажа Аркадия Александровича Пластова (первое название картины — «Немец пролетел» — позже было изменено в соответствии с требованиями политкорректности) по указанию Сталина экспонировалась на Тегеранской конференции, Рузвельт и Черчилль, по воспоминаниям очевидцев, были настолько поражены этим холстом, что это повлияло на их решение об открытии второго фронта². Её сюжет в отличие от написанной на схожую тему «Герники» Пабло Пикассо не требует дополнительных разъяснений: бессмысленно и беспощадно оборванная человеческая жизнь и материализовавшееся зло в образе ускользающей над бескрайним простором русского поля серой тени вражеского самолёта.

А ещё, быть может, несколько минут назад этот мальчик, лежащий теперь с простреленной головой на сырой осенней земле, услышав шум авиационного мотора, жадно вглядывался в бело-голубую даль неба в надежде хоть краешком глаза разглядеть силуэт крылатой машины, ибо ничто так не впечатляет воображение любого мальчишки, как вид летящего самолёта. «До войны, — вспоминает автор газеты Сергиево-Посадского муниципального района «Вперед» Юрий Палагин, — в небе над нами иногда пролетали небольшие тархтящие самолеты (аэропланы). Раза два высоко в небе проплывали беззвучные дирижабли. Мы, детвора, радовались, махали им, кричали во все горло, а потом рассказывали и хвастались, что летчик именно ему помахал рукой»³.

¹ Цит. по: Широкопад А. Б. Германия под бомбами союзников. 1939 — 1945 гг. М.: Вече, 2008. С. 8.

² См.: webstarco.narod.ru/painting/plastov12.html.

³ См.: www.sergiev-posad.ru/news/pobeda/?ID=13920.

Война разом перечеркнула детский восторг от ощущения своей сопричастности к таинству покорения неба. Отныне звук, исходящий с небес, стал восприниматься как потенциальная угроза, сигнал опасности, символ грозно и неумолимо надвигающейся беды. «Помню мягкий, солнечный августовский день, — продолжает свидетельствовать Юрий Палагин. — Мне семь лет. Я играю у дома. И вдруг, откуда ни возьмись, в этой мирной тишине всё небо наполнилось враждебным, нудно-тягучим чужим звуком. Я, как зверёк, встрепенулся, насторожился. Повзрослев, я нашёл точное описание этого звука у Твардовского в главке «Кто стрелял?» из поэмы «Василий Тёркин» :

*И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, воющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.
Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.
На одной постылой ноте
Ноет, воеет, как в трубе,
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.*

И тут я увидел того, кто гудел над нами, — немецкий самолет. Он летел низко и строчил из пулемета. Я даже увидел самодовольное, ухмыляющееся лицо летчика, уже хозяина нашего неба, уже победителя — фашиста».

Самодовольное, ухмыляющееся лицо лётчика... Такое лицо не может быть у покорителя воздушной стихии — небожителя, героя женщин, кумира детворы — человека, названного Эрнстом Юнгером без всякого преувеличения типом нашей эпохи. В этом проявился своеобразный культ человеческой личности, свойственный эпохе восстания масс. Подобно народам Древней Греции массе требовались герои — новые Икары, Прометеи, Данко, — и именно образ лётчика как выразителя новой мужественности как

Сбитый ас. Александр Дейнека, 1943 г.

нельзя лучше отвечал этой объективной потребности: «Он был одет в летнюю куртку, а его лицо под шлемом казалось высеченным из камня. Долг и служба, ум и сноровка, характер и сердце рано придают форму этому молодому лицу»¹, — писал Эрнст Юнгер. Авиатор понимался не столько как самолётводитель в узком, непосредственном значении данного понятия,

сколько как преобразователь окружающего мира в самом широком смысле этого слова. По мнению Эрнста Юнгера, «в идеальном образе рассекающей небо команды пилотов и, как можно надеяться, всех вставших на крыло мужчин мы видим новый склад человека, который знает, как распорядиться своим опытом и передать его будущим поколениям»².

¹ Юнгер Э. *Националистическая революция: Политические статьи (1923–1933)* / Пер. с нем. А. Михайловского. М.: Издательская группа «Скимень», 2008. С. 155.

² Там же. С. 154.

В боевой полет в дальнюю разведку. Яков Халип, июль 1943 г.

Пройдёт совсем немного времени, и высеченные из камня лица покажутся самодовольными ухмылками, а лётчик из смелого и мужественного вестника новой исторической эры превратится в расчётливого и хладнокровного убийцу, лишённого элементарного чувства человеческого сострадания.

Удивительно, но несмотря на то, что самолёт изначально рассматривался как новый перспективный вид оружия, результаты его боевого применения, начиная с Триполитанской войны 1911–1912 годов, когда Италия впервые в мировой практике использовала семь боевых самолётов в войне против Турции, были более чем скромными. Боевые аэропланы и дирижабли так и не смогли оказать решающего влияния на ход военных действий в период Первой мировой войны — они лишь продемонстрировали свои потенциальные возможности (аэроплан, например, показал себя хорошим средством воздушной разведки и великолепным образцом психологического оружия). Господство на поле боя осталось за пулемётами и артиллерией, ведущей огонь с закрытых позиций¹. Война в этих условиях окончательно лишилась своего героического ореола, превра-

тившись из состязания героев в состязание непрерывно изрыгающих огонь артиллерийских машин. Находясь под непрерывным вражеским огнём, Эрнст Юнгер вступает в непосредственное боевое соприкосновение с противником, судя по его дневниковым записям, только через год после прибытия на фронт. Всё, что было до этого, это просто избивание огромных масс людей артиллерией. Солдаты гибнут, получают ранения и увечья, даже не успев толком вступить в дело. Их ружья, сабли, ножи и гранаты оказываются в стальных грозах просто ненужным металлическим хламом, поскольку здесь господствует единственная неумолимая сила — Его Величество артиллерийский снаряд.

Неслучайно поэтому, что прошедшие горнило сражений Первой мировой войны мечтатели увидели в перспективах боевого применения авиации возможность вернуть войне её героический дух. Человек из придатка машины снова становится её господином, а сражение из свалки выкашиваемых артиллерийским огнём толп людей вновь превращается в рыцарский турнир, в котором военный самолёт играет роль боевого коня.

Воздушное пространство лишено траншей, водных препятствий,

блиндажей и проволочных заграждений. Здесь негде спрятаться трусу, и сюда не ползет тот, кто лишён духа воинственности и героизма. Война здесь обретает свою изначальную форму — форму столкновения героев, в котором побеждает тот, кто должен стать ПОБЕДИТЕЛЕМ, а не тот, кто больше накопил снарядов и глубже зарылся в землю. Дух соперничества, отваги, мужественности, помноженные на холодный расчёт, быстроту реакции и лучшую профессиональную подготовку вкупе с элементарным военным счастьем станут решающими факторами этого противостояния. Вот почему описания грядущих битв с использованием аэропланов и дирижаблей, в которых изоощрились журналисты и литераторы периода героического развития авиации, отличаются такой пафосностью и эсхатологичностью. Единственным предостережением в этом смысле стал опубликованный ещё в 1908 году мрачный роман-антиутопия Герберта Уэллса «Война в воздухе» с пророчеством мировой воздушной войны, завершающейся наступлением эпохи нового варварства. Показательно, что в возрасте 78 лет, будучи очевидцем атак на Лондон немецкими реактивными снарядами «Фау-1» и «Фау-2», Уэллс, рискуя жизнью, отказавшись следовать за домочадцами в бомбоубежище, написал в кабинете, освещаемом заревом пожарищ, завещание, в котором признанный уже во всем мире фантаст и политик обратился к человечеству с потрясающей горечью: «Дурачьё! Я же предупреждал вас, так будьте вы прокляты!»²

Пока поэтизировавшие авиацию и авиаторов идеалисты состязались в пении ей дифирамбов, лишённые романтики и сентиментальности военные теоретики высказали своё видение использования самолётов в войнах недалёкого будущего. Британский генерал Смитс ещё в конце Первой мировой войны писал: «Недалёк тот день, когда действия с воздуха, влекущие за собой опустошение территории противника и разрушение промышленных и административных

¹ См.: *Господство в воздухе. Вероятные формы будущей войны: Пер. с итал. / Джулио Дуэ. Военная доктрина генерала Дуэ: Пер. с фр. / Арсен Мари Поль Вотье.* М: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 5 – 6.

² См.: www.mirprognozov.ru/index.php?p=8&rr=30&articl=230.

Фашист пролетел. Аркадий Пластов, 1942 г.

центров в больших масштабах, могут стать основными...»¹ В развитие этих идей опальный полковник, а впоследствии обласканный и пригретый Бенито Муссолини генерал итальянской армии Джулио Дуэ пришёл к выводу, что решить исход войны может и должна авиация. Война начнётся внезапно, без объявления. В одно прекрасное утро, на рассвете столицы, крупные города, важные авиационные центры будут поражены внезапным ударом. Независимая от сухопутных и морских сил мощная воздушная армия захватит господство в воздухе, уничтожая воздушные базы, склады и авиазаводы противника, а затем посредством непрерывных и чрезвычайно бурных действий «аэрохимическим оружием», то есть зажигательными и химическими (со стойкими боевыми отравляющими веществами) бомбами, против

наземных целей сломит материальное и моральное сопротивление противника. В итоге наступит «момент, когда терроризованные народные массы, побуждаемые исключительно инстинктом самосохранения, потребуют на любых условиях прекращения борьбы». Упрёки в «негуманности» Дуэ парировал: «Хотим ли мы стать действительно цивилизованными людьми? Тогда упраздним войну». Он приводил популярный и в те годы, и позже аргумент: более эффективные средства поражения должны сделать войну быстротечнее и тем самым уменьшить потери и победителя, и побеждённого².

Пропась между взглядами Дуэ и позицией романтиков воздушной войны очевидна. Сердцевинной концепции Дуэ является смещение акцента боевых действий собственно с войны в воздухе на наземные объек-

ты преимущественно гражданского назначения. А это уже две большие разницы — воевать ли с равноценным по силе и военным доблестям противником или сыпать бомбами на беззащитные поселения и поливать пулемётным огнём на бредущем полёте женщин, детей, стариков, сельскохозяйственных животных, санитарные автомашины, поезда со знаками Красного Креста и переполненные беженцами транспортные суда. В этой войне даже пришедший в авиацию по зову сердца — уже не идеальный воин, преисполненный духом мужества и отваги, человеческие качества которого кристально чисты, а флибустьер, циничный и безжалостный бандит с большой дороги, в сознании которого ценности крови, национальной исключительности и расового доминирования затмевают доброту, сострадание и милосердие.

¹ См.: *Всепобеждающая авиация* // www.chiptest.ru/science/opening_and_inventions/a/akagdf.1.html.

² *Взгляды Джулио Дуэ реконструируются по: Всепобеждающая авиация* // www.chiptest.ru/science/opening_and_inventions/a/akagdf.1.html.

Будущие летчики. Александр Дейнека, 1938 г.

Воспевая авиацию и мужественность духа воинов нового типа, мыслители, подобные Юнгеру, даже предположить не могли, что в скором времени за штурвалы самолётов сядет поколение лишённых признаков человеческой духовности, вышколенных на превосходстве нации и крови боевых роботов, которые будут убивать не потому, что перед ними враг, а потому что перед ними — русский или немец, т.е. человек иной, более низшей расы и по одному этому признаку недостойный жизни. «Мы должны уничтожить как можно больше бошей ещё до того, как выиграем эту войну», — писал фанатичный последователь идей Джулио Дуэ, командующий Бомбардировочным командованием Королевских ВВС Великобритании, маршал авиации Артур Харрис в письме на имя министра авиации через несколько недель после своего назначения¹.

Варварские бомбардировки фашистской авиацией испанской Герники, Лондона и Ковентри, Варшавы и Белграда, советских Ленинграда и Сталинграда, Рыбинска

и Ярославля, а также сотен иных населённых пунктов, равно как методичное разрушение союзной англо-американской авиацией Бремена, Гамбурга, Дармштадта, Берлина и Дрездена не сыграли решающей роли в общем ходе боевых действий. Они лишь озлобили население, придали патриотам воли к борьбе, а пропагандистам дали в руки бесценный материал, подтверждающий их императивы о кровожадности и безжалостности противника. И если в начале войны эти пассажи очень точно характеризовали мотивацию и поведение нацистов как главных виновников, зачинателей, проводников и реализаторов Вселенского кровопролития, то к концу войны установить разницу между правыми и виноватыми, палачами и жертвами, злодеями и мстителями в традиционной системе координат применительно к боевым действиям между Германией и англо-американским блоком уже вряд ли представлялось возможным.

Странная война, которую вели наши союзники в Европе, когда армады боевых самолётов, безостанов-

очно проплывая над немецкими батареями, обстреливавшими через Ла-Манш английские города, предприятиями военной промышленности и стратегическими объектами военного назначения, обрушивали свой смертоносный груз на мирное население и культурно-исторические памятники, когда подобно развесёлой страсти, овладевшей немецкими пилотами в первые месяцы нашествия на Советский Союз, заставлявшей их словно охотничьих собак за зайцами гоняться за отдельными совершенно беззащитными людьми, точно такая же страсть охватывала пилотов американских и английских истребителей, обстреливавших из бортового оружия своих самолётов на бреющем полёте работающих в поле крестьян² и даже собственных соотечественников из числа военнопленных³, по мнению видного военного теоретика XX века, «пророка механизированной войны» британского генерал-майора Дж. Фуллера, никогда не замеченного в пацифизме, «обернувшись «варварскими разрушениями», малоэффективными в военном и психологическом плане и — интересное замечание — подрывавшими «основы послевоенного мира»⁴.

Порой мне кажется, что несмотря на то значение, которое играла авиация в сражениях Второй мировой война, основным оружием Победы были всё-таки не самолёты, а танки и... полевые кухни. Не армады американских и английских бомбардировщиков, сеявших подобно своим нацистским коллегам-антагонистам смерть и разрушения, а тысячи советских танков, усыпанных цветами освобождённых народов, и сотни советских полевых кухонь, к которым выстроилось загнанное налётами в полуразрушенные подвалы голодное население немецких городов, принесли мир и успокоение в истерзанную войной и взаимной ненавистью Европу.

á

¹ Широкопад А. Б. *Цит. соч.* С. 78.

² См.: Широкопад А. Б. *Цит. соч.* С. 209.

³ См.: Воннегут К. *Бойня номер пять, или Крестовый поход детей, и другие романы.* М.: Художественная литература, 1978. С. 151.

⁴ *Цит. по: Всепобеждающая авиация / www.chiptest.ru/science/opening_and_inventions/a/akagdf.1.html.*

Поскольку государство действительно существует, оно должно иметь реальную возможность вести войну, поэтому обладать и необходимым для этого.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Философия права

Во время боевого вылета. Бомбострелки бомбардировщика He-111 следят за небом. 1941—1944. Фотограф Шпротте

POLEMOS

Интеллектуал на войне — явление странное. Ведь никто не отменял старой мудрости «*inter arma tacent Musae*», в современном переводе: «Когда говорят пушки, музы молчат». Но философия, которая, по слову Аристотеля, начинается с удивления, приглашает нас всмотреться в эту странность.

За свободным интеллектуалом в истории духа издавна признается какая-то негласная «бронь». Корни ее можно найти у того же Аристотеля. Доказывая преимущества «теоретической (созерцательной) жизни» перед «практической (общественно-ангажированной)» и «пойетической (творческо-производственной)», он замечал в «Никомаховой этике», что

счастье заключено именно в досуге, поскольку «мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире». Аристотель, конечно, прав в своей ясности и простоте. Различие между войной и миром — определяющее различие политической онтологии. В конце концов, важной задачей и теоретической деятельности интеллектуала было и остается оберегание границы между войной и миром. Но оно тем самым предполагает признание того простого факта, что **война есть и что она время от времени вторгается в мирный порядок вещей, представляет его в новом свете и ставит под вопрос**. Об этом знал Гераклит, называвший *polemos*, распря, «отцом всех ве-

щей», и Платон, предлагавший отбирать философов-правителей своего справедливого государства из числа стражей-воинов.

Одно из ранних интеллектуальных свидетельств о войне — лирика ионийского поэта Архилоха.

*«Я — служитель царя Эниалия¹,
мощного бога.*

*Также и сладостный дар муз хо-
рошо мне знаком»*

(пер. В. Вересаева)

По общему признанию исследователей античной культуры, именно здесь, в ионийской лирике VII в. (и параллельно в эолийской поэзии Сапфо и Алкея) происходит откры-

тие и самооформление индивидуума. Полнокровные стихи Архилоха несут в себе свидетельство о борьбе одиночки. «Я» открывает самого себя, осознает себя как нечто своеобразное в своем удивительном двойном признании — воина и поэта.

*«Сердце, сердце! Грозным строем
встали беды пред тобой.*

*Ободришь и встретишь их грудью,
и ударим на врагов!*

*Пусть везде кругом засады —
твердо стой, не трепещи.*

*Победишь — своей победы на-
показ не выставляй,*

*Победят — не огорчайся, запер-
шись в доме, не плачь.*

*В меру радуйся удаче, в меру
в бедствиях горюй.*

*Познавай тот ритм, что в жизни
человеческой сокрыт»*

(пер. В. Вересаева).

Ритм, как толкует это слово знаток античности, немецкий филолог-классик Вернер Йегер, — это не движение, а то, что как раз полагает пределы потоку, наделяет устойчивостью, «схемой», вносит порядок. Эта интуиция лежит в основе греческого открытия ритма в музыке и танце и, шире, в основе всей древнегреческой мысли о *physis*, природе. Ритм есть то, что «держит людей в своих узах».

Фигурой Архилоха в европейской культуре открывается череда «людей духа», которых я рискну назвать интеллектуалами «без брони», интеллектуалами на войне. Сократ в битве при Потидее, спасающий жизнь Алкивиаду. Плотин, находящийся в действующей армии императора Гордиана. Декарт, молодой волонтер Тридцатилетней войны. Гораций в битве при Филиппах. Толстой, пишущий на войне первые «Севастопольские рассказы»...

Александр Михайловский

